

О ДУХЪ ВРЕМЕНИ И ПОНИМАНИИ ЕГО.

(По поводу послѣднихъ статей Н. А. Бердяева).

Различные дары даны различнымъ людямъ. Такъ, повидимому Н. А. Бердяеву дано пытлиное устремленіе въ глубь историческаго движенія, исканіе смысла и цѣли этого движенія и иногда проникновеніе и полное подъема угадываніе основоположнаго - религіознаго смысла совершающихся историческихъ событій и переломовъ. Въ своемъ замѣчательномъ наброскѣ «Новое Средневѣковье» (1924 г.) Н. А. Бердяевъ съ изумительной силой и большой убѣдительностью и яркостью старается вскрыть назрѣваніе новаго міроощущенія, новаго отношенія къ жизни, новаго ощущенія, охватывающаго многихъ, и многихъ, все, что за событіями повседневной и государственной жизни. За политической и культурной борьбой, за исканіями и достиженіями, стоятъ нѣкія послѣднія величины, нѣкія основныя, потустороннія силы, силы не нашего, относительнаго человѣческаго масштаба, а именно нѣчто основное и послѣднее, что опредѣляетъ ходъ и направленіе всего движенія. Тотъ міръ, болѣе глубокий и потому болѣе реальный, не отрѣзанъ окончательно отъ нашего этого міра, но входитъ въ него, направляетъ его въ значительной степени, опредѣляетъ его, не лишая человека его свободы. Сознаніе величія и тайны того, что совершается, значительности даже обыденнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе *ответственности*, выпадающей на нашу долю, есть свидѣтельство о большой глубинѣ, большой зрѣлости, большой «метафизичности» многихъ теченій нашей эпохи, потрясенной до глубины великой войной и мировыми бѣдствіями, сравнительно съ болѣе близоруко-материалистической эпохой предыдущей, увлеченной кумиромъ лишь внѣшняго, лишь матеріальнаго или материалистически направленаго преуспѣнія. Богъ и дьяволъ становятся какъ бы

болѣе ощутимы, чувствуются шаги Божіи в исторіи.

Мысль Бердяева достигаетъ высокаго напряженія, языкъ его -- большого подъема и силы. Можно конечно задать, себѣ вопросъ: не идеализируетъ ли онъ слишкомъ новый «духъ времени», не обобщаетъ ли онъ слишкомъ, не переноситъ ли на весь міръ, на всю историческую эпоху тотъ тяжелыми скорбями купленный опытъ, тотъ переломъ духовный, который пережили и переживаютъ многіе изъ русскихъ? Но во всякомъ случаѣ эта попытка характеристики «новой» назрѣвающей эпохи интересна и значительна.

И вотъ удивительно, что человекъ, такъ провидящій, такъ ощущающій значеніе этихъ тенденцій нашей эпохи, огуломъ и безоговорочно отмечаетъ какъ разъ многихъ изъ тѣхъ, именно изъ русской среды, кто захваченъ этими вѣяніями внутренняго духовнаго возрожденія. И странно становится, что мыслитель, повидимому, столь зоркій, когда касается дѣла общаго процесса, становится одностороннимъ, не зрящимъ, когда дѣло касается нѣкоторыхъ людей, конкретныхъ явленій. Онъ видитъ одухотворяющую идею въ общемъ, отвлеченно безлично взятомъ процессѣ, но не видитъ духовнаго огня, горящаго въ отдѣльныхъ, конкретныхъ людяхъ, болѣе того захватывающаго широкіе круги его собственныхъ соотечественниковъ. Н. А. Бердяевъ неоднократно прежде высказывалъ мысль, что одинъ изъ минусовъ русскаго прошлаго, по сравненію съ исторіей Запада, было отсутствіе въ Россіи института рыцарства съ его возвышеннымъ идеализмомъ. Рыцарство по существу своему есть воплощеніе идеи *чести*, въ отличіе отъ идеи простаго долга. Честь не считаетъ, она всецѣло, безраздѣльно отдаетъ себя, она дѣлаетъ сверхдолжное, она не органичивается

лишь тѣмъ, чего требуетъ государствен- ный внѣшній долгъ, но даетъ больше. Ры- цари должны были быть не только вѣрны- ми вассалами своего сюзерена по защитѣ тѣхъ, кого никто не защищалъ — вдовъ и сиротъ. И вотъ теперь, когда у Россіи пора- дилось новое рыцарство, прошедшее че- резъ подвигъ добровольнаго служенія Ро- динѣ, добровольной борьбы за нее, когда уже не существовало государственнаго цѣ- лаго и государственнаго принужденія — теперь Н. А. Бердяевъ закрываетъ глаза на это и отмечаетъ и не хочетъ видѣть тѣхъ, кто охвачены этимъ духомъ новаго рыцар- скаго безмѣрнаго служенія. Я не хочу этихъ людей, я не хочу русское національ- ное движеніе односторонне идеализиро- вать: много въ немъ, силшкомъ много чело- вѣческаго и за каждый суровый упрекъ, не отрицающій его по существу и вытека- ющій изъ любви, должно русское націо- нальное движеніе быть глубоко благодар- но суровому обличителю. Но Н. А. Бер- дяевъ просто его не понимаетъ, не понима- етъ одухотворяющей его силы. Болѣе того, Н. А. Бердяевъ находитъ терминъ, кото- рый онъ прилагаетъ ко всемъ представи- телямъ русскаго національнаго движенія — «правые монархисты», и клеймитъ ихъ, какъ таковыхъ, исходя какъ будто изъ ре- лигіозныхъ основаній.

Тутъ есть двѣ коренныя недопустимыя ошибки.

Нельзя представителей русскаго націо- нальнаго движенія въ самомъ существѣ ихъ характеризовать только словами: «пра- вые монархисты». Они — монархисты и они въ значительной степени «правые», но это не есть для многихъ изъ нихъ окон- чательно опредѣляющее, послѣднее, осно- воположенное, то, изъ чего все вытекаетъ — они не только монархисты и правые. Рѣ- шающее есть вѣяніе новаго духа — духа подвига, и это игнорируетъ Н. А. Бердя- евъ.

Далѣе Н. А. Бердяевъ видитъ главную опасность «праваго движенія» въ томъ, что оно пренебрегаетъ іерархіей цѣнностей и изъ царя и изъ родины, изъ національнаго и монархическаго принципа готово сдѣ- лать себѣ кумира. Допуская вполне на- личіе такой опасности, долженъ сказать, что игнорированіе іерархіи цѣнностей и дѣланіе себѣ кумира не есть свойство, ис- ключительно принадлежащее «правымъ монархистамъ», а черта, къ сожалѣнію, общечеловѣческая, въ меньшей степени свойственная и лѣвымъ и правымъ и сред-

нимъ, и революціонерамъ и либераламъ, и всѣмъ людямъ вообще, поскольку они абсолютизируютъ переходящія земныя цѣнности, которыя требуютъ освященія отъ высшаго начала. «Правые» и «монар- хисты» могутъ и должны быть благодарны, если имъ указываютъ на ту опасность смѣ- шенія цѣнностей абсолютныхъ съ цѣнно- стями относительными, но неправильно указать, будто это смѣшеніе цѣнностей, это дѣланіе себѣ кумира есть черта спе- ціально свойственная «правымъ» и «мо- нархистамъ». Развѣ демократы и респуб- ликанцы застрахованы отъ дѣланія себѣ кумира?

Н. А. Бердяевъ явно несправедливъ. Онъ ощущаетъ въ нѣкоторыхъ правыхъ абсолютизированіе человѣческаго и зем- ного, подчиненіе моральнаго и религіоз- наго политическому, что (свойственно не только правымъ) и онъ строитъ изъ это- го недостаточно обоснованныя, суровыя обобщенія: «Насилія, къ которымъ склон- ны правые монархистскія партіи, смертная казнь, тюрьма, переслѣдованія инаковѣ- рующихъ и инакомыслящихъ, носятъ ха- рактеръ нормативный, возводится въ за- конъ жизни» (Путь, № 1, 1926, стр. 180). Болѣе того, онъ готовъ монархистовъ и правыхъ ставить по существу почти на одну доску съ большевиками (они, по его мнѣ- нію, «обычно болѣе любятъ насиліе во имя своего пониманія добра и легче относятся къ политію крови и убійству человѣка, чѣмъ большая часть другихъ направленій, если не считать коммунистовъ» — «Путь» № 3).

Эти обобщенія производятъ впечатлѣніе предвзятости или личной антипатіи или просто партійности.

Партійность не есть само по себѣ что- нибудь абсолютно отрицательное, но не- правильна и неумѣстна партійность, хотя бы и скрытая, проповѣдуемая съ религіоз- ной точки зрѣнія, что дѣлаютъ, можетъ быть, нѣкоторые «правые», но что несом- ненно дѣлаетъ и Н. А. Бердяевъ.

Н. А. Бердяевъ проявляетъ, такъ ска- зать, отрицательную партійность и потому и недостатокъ терпимости и вдумчиваго пониманія къ новой духовной жизни — по- рыву подвига, національнаго и религіоз- наго, укорененнаго религіозно и освящен- наго (ибо религія есть высшее — Богъ вы- ше родины! — и она, религія, должна ос- вящать и облагораживать и служащихъ родинѣ), охватившаго многочисленныхъ русскихъ людей, особенно многихъ изъ

нашей молодежи. Онъ самъ строить страшныя вѣтряныя мельницы, превращая абераціи «праваго» настроенія (можетъ быть довольно многочисленныя) въ общее правило; что многіе и многіе изъ тѣхъ, кого, онъ называетъ правыми, суть правые и націоналисты лишь *во вторую очередь*, ибо признаютъ именно іерархію цѣнностей, т. е. ставятъ Бога выше и своихъ правыхъ политическихъ идеаловъ и даже родины. Но не видятъ они противорѣчія по существу между вѣрой въ Бога и служеніемъ родинѣ: низшее, земное, т. е. Родина, должны освящаться высшимъ, абсолютнымъ — служеніемъ Богу. Болѣе того, вѣра въ Бога *требуетъ подвига любви*: «какъ можешь ты любить Бога, котораго не видѣлъ, если не любишь брата, котораго видишь». «По сему узнаютъ, что Вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою».

Н. А. Бердяевъ, нападаая жетою и страстно не только на книгу И. А. Ильина, но и на самый духовный обликъ И. А. Ильина, нападаая безъ всякихъ оговорокъ на правыхъ вообще, какъ разъ нарушаетъ заповѣдь любви, ибо осуждаетъ не аберацію

миѣнія, а производитъ судъ надъ человѣческими личностями и забываетъ предостерегающее слово — о томъ, кто скажетъ брату своему: «безумный!»

Пророкъ долженъ имѣть любовь. Такая любовь была и у одного изъ глубочайшихъ и величайшихъ по духу русскихъ людей А. С. Хомякова, почему онъ и могъ, исходя изъ этой просвѣтленной пророческой любви сурово и даже безпощадно бичевать пороки своей родины. Н. А. Бердяевъ, писатель, глубоко согрѣтый духомъ христіанской свободы, глубокой христіанскій мыслитель, самъ — одна изъ крупныхъ цѣнностей современной нашей философской литературы, отъ котораго мы ожидаемъ еще многихъ цѣнныхъ плодовъ его творчества, — забываетъ однако объ одномъ, и при томъ самомъ основномъ и самомъ важномъ: лишь глазамъ любви, которая проникаетъ вглубь, раскрывается истинная духовная сущность людей и явлений.

Николай Арсеньевъ.